

В ногу с жизнью

Почти четверть века назад вышел в свет небольшой сборник рассказов под названием «Он был с Урала». Имя его автора Ибрагима Абдуллина еще мало что говорило любителям литературы. А между тем свое первое слово он сказал еще в 1938 году: тогда восемнадцатилетний студент Уфимского геологоразведочного техникума занял, говоря спортивным языком, призовое место в республиканском литературном конкурсе. Многие в молодости увлекаются стихами, пишут рассказы, а то и целые романы. Но далеко не каждый попадает в настоящую литературу. Ибрагим начал с пьес.

Сцены сельских клубов, да и те только сельских, были прочно заняты тогда такими драматическими произведениями, как «Галия-бану», «Голубая шаль» и другие, обращенными, в основном, к прошлому. Может быть, именно из чувства своеобразного протеста против репертуарного однообразия стал молодой Ибрагим писать свои пьесы. Слабость их была очевидна. Но очевидно было и желание автора отозваться на бурные явления жизни.

Когда его пьесы стали признавать в родной деревне Зириклах, они попали вначале на

школьную сцену, потом — в клуб, а со временем стали «выезжать» и в соседние деревни. Так начинался творческий путь драматурга Ибрагима Абдуллина. 13-летним подростком начал он самостоятельный жизненный путь. И это имело немалое, если не решающее, значение для его творчества. Он пропагандирует на сцене людей труда. Человек готовил себя к нелегкой деятельности геологоразведчика, а выбрал еще более трудный путь — драматурга. Но годы Великой Отечественной войны потребовали обращения к более оперативному жанру, и писатель выпустил сборник рассказов, выстраданный в огне боев. А потом он вновь вернулся к пьесам. И первые же его драматические произведения, такие, как «Глубоководное дыхание», «Своики», завоевали признательность театралов...

Сегодня на сцене Башкирского академического театра драмы идут две пьесы Абдуллина: «Эх, уфимские девчата!» и «Озорная молодость». А всего им написано два десятка крупных пьес, постановки которых осуществлены театрами Башкирии и Татарии.

Помимо этого, им созданы десятки одноактных пьес. Вряд ли найдется какой-либо сельский клуб, в репертуаре которого не значилась бы пьеса И Абдуллина. Чем же привлекают они внимание? Остротой сюжета, умением автора подмечать животрепе-

ющие черты человеческого характера. Им свойствен юмор, нередко переходящий в сатиру. Для драматурга не существует так называемых бытовых мелочей — он умеет в любой жизненной детали уловить большую и серьезную тему.

Не будет ошибкой сказать, что драматург Абдуллин руководит Абдуллиним — беллетристом. В своих рассказах и повестях он остается верен живым остродраматическим ситуациям. И. Абдуллин — автор прозаических произведений самого разного жанра, от самого малого до многопланового романа.

И. Абдуллин — человек активного действия, он никогда подолгу не засиживается дома, много путешествует и по родной стране, и по зарубежным странам. В одну из таких поездок и родился у него замысел крупного произведения о деятельности советских партизан, бывших узников немецких концлагерей, на далекой итальянской земле. В результате, недавно увидел свет роман «Прощай, Рим!». Это произведение явилось своеобразным венцом тридцатилетнего творческого пути писателя.

Ибрагиму Ахметовичу Абдуллину пятьдесят лет. Возраст, прямо скажем, уже не сомсомольский. Но, видя его бодрость, жизнерадостность, большую энергию, мы можем смело утверждать, что драматург напишет еще немало интересных пьес, рассказов и повестей.

Ф. АХМЕТОВ.

К 50-летию ИБРАГИМА АБДУЛЛИНА

КОГДА БРОДИТ БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Бывали ли вы в лесу ранней весной, когда распускаются почки на березах, когда под молочно-белой берестой начинает бродить живительный сок?!

Если нет, то сходите. Вернетесь, как я, опьяненным.

Вчера весь вечер пробродил в роще и разговаривал с веселыми березками, одетыми в свадебные капроновые платья. Я слушал зазывные голоса кукушек и жадно прильнув губами, пил из надреза на коре прохладный березовый сок. Ох, этот березовый сок... За туманилась от него голова...

А небо такое голубое, словно только что подсынили и вывесили сушить. Никогда не думал, что мир так прекрасен и молод...

Вы, наверное, заподозрили, что с мальчишкой творится что-то неладное? Так вот, во-первых, я вам не мальчишка, а джигит. Нынче осенью исполнится ровно год, как я получил паспорт, а, во-вторых.. А, во-вторых, я вам ничего не расскажу. Идите к моим белотелым друзьям, что шумят на опушке моего аула. Они все знают. А может, рассказать и вам? Так и быть, расскажу. Только вот с чего бы начать? Я ведь и сам не знаю, когда и как это началось.

Начну, пожалуй, с... неба. Да, да, с неба. Оно имеет пря-

мое отношение к моей любви.

Есть у нас такой обычай: как услышат первый весенний гром, ложатся люди на землю и катаются. Это чтобы летом на жатве поясница не болела. Ведь раньше целый месяц серпом жали... Это, конечно, бабушкины сказки, но так уж повелось, надо уважать народные традиции.

Так вот, иду я на прошлой неделе в мастерскую и мурлычу песенку, которую по радио недавно разучивали...

И вдруг из-за леса незаметно выползла черная, тяжелая, как горе, туча и закрыла всю синь майского неба. Я погрозил ей кулаком и поспешил в мастерскую. А небо будто ждало этого, вдруг разом раскололось и загрохотало. Первый гром... Надо падать там, где он тебя застал. Я так и сделал. И тут же услышал звонкий переливчатый смех. Кто это бессовестно смеется над обычаями наших дедов?

Разгневанный вскочил я на ноги и хотел ударить его, но тяжелый кулак где-то в воздухе повис... передо мной с коромыслом на плечах стояла девушка невиданной красоты. Я невольно глянул вверх: уж не с неба ли она спустилась во время грома? И коромысло-то у нее необычное, точь-в-точь как у лунной девушки Зухры.

Обычно в нашем роду не бы-

РАССКАЗ

ло случая, чтоб кто-то влюбился с первого взгляда. Считается легкомысленным. Но ведь сердцу не прикажешь. Оно традициям — законам не подвластно.

Сколько я так простоял с широко раскрытыми глазами и поднятым кулаком: секунду, час — не помню, вернула мне дар речи лунная девушка.

— Стыдно! — сказала она, высоко вскинув брови. — Комсомолен, наверное, а верят всяким побасенкам.

Я хотел зло отрезать, что этот обычай совсем не предрасудок, а приветствие земле, освободившейся от снега, но сказал не то, что думал.

— Вы кто?

— Зухра!

— Зухра?! — Я снова посмотрел на небо. Зухра тоже подняла голову:

— Туча ушла уже, дождя, наверное, не будет...

Ох, она ничего не поняла.

— Гроза уже прошла, — говорю я, задыхаясь. — Настоящий ливень...

— Ливень! Да ни одной дождинки не было. Вы какой-то смешной, — сказала она и пошла было прочь.

— Зухра! Не спешите, — я

дотронулся до ведра, полного студеной воды.

— Нет, нет. Мне надо идти. Мой зять Шафари попросил меня воду из родника принести. Родниковая, говорит, вода для чая хороша.

— Так значит ты свояченица кузнеца Шарифа-агая! Почему же я тебя не знал до сих пор!

— Не знаю, почему. Каждый год на каникулы я приезжаю гостить в аул... — сказала она не то с обидой, не то с усмешкой и заторопилась, расплескивая родниковую воду...

Где был, почему раньше я не замечал эту девчонку! Может, не было прежде первого весеннего грома! Или я не слышал его!

Не чувствуя земли под ногами, я не вошел и не вбежал, а плавно влетел в мастерскую.

— А-а, подмастерье, — сказал Шафари-агай и пристально посмотрел на меня.

Пытаюсь скрыть свое волнение, куда там... Инструмент в моих руках пляшет и поест. Смотрит на меня Шафари-агай, склонив свою большую ершистую голову набок, и улыбается: что это, мол, с парнем приключилось?

В самом деле, что же это со мной творится! Ног под собой не чувю, руки словно крылья. А про сердце и говорить боюсь. То замрет, то так заколотится,

что вот-вот выскочит. Неужели это и есть любовь?

Любовь...

Обедать в этот день я не стал, работал без устали, пока заря не догорела. Пошел домой мимо дома Шафари-агая, хотя для этого пришлось сделать большой крюк. Может быть, у них родниковая вода на исходе! Может быть, она разлила ее, когда шла домой! Ах, если бы это было так...

А что, если найти повод и зайти к ним, например? Нет, неудобно. Разве проведешь ее сестру Минслу-апай! Она человека насковзь видит. Зайду завтра. Рискну.

Не успел я свернуть от дома кузнеца, слышу, кто-то меня нагоняет.

— Фаниль, постой-ка.

— А-а, Минслу-апай...

— Зухра просила тебе привет передать.

— Зухра? А-а... Спасибо. А где же она сама?

— Уехала.

— Как уехала? Куда? — Я схватил руку Минслу-апай. — Надолго?

— Она ведь здесь была проездом. На практику поехала. Да отпусти ты, руку сломаешь. На будущий год Зухра кончает техникум. «Может, говорит, в ваш аул возьму направление». Смотри, парень, не прозвонит...

Ибрагим АБДУЛЛИН.

